Мир раскрывается Ермолаем-Еразмом в иерархической бесконечности троичных комплексов, отражающих наивысший гармонический комплекс — божественную универсалию отца, сына и духа.

За *религиозной философией Ермолая-Еразма в сборнике № 1296* непосредственно следует его религиозная социология (лл. 176—211). Она представлена в нашей рукописи тремя сочинениями: «Слово о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже», «Слово к верным, иже христианя словом нарицаются...» и Поучение к своей душе. Среди них наиболее значительно «Слово о разсужении любви и правде...». Соответствуя основной идее ралигиозно-философских построений Ермолая-Еразма, «Слово о разсужении любви и правде...», как и названные другие два сочинения, исходит из понятия об обществе как комплексе, благополучие которого достигается путем гармонического сочетания интересов людей.

В высшей степени показательно, что «Слово о разсужении любви и правде...» начинается как раз с итога предшествующих ему религиозно-философских сочинений: «О сем убо разумеем, яко начало любы есть союз божий — соединение пресвятыя троица, отца и сына и святого духа, понеже убо от бога отца к безначальному единородному сыну его и пресвятому духу истекание соединениа содержашеся любы...» (л. 176).

В поисках принципа, обеспечивающего общественное согласие, Ермолай-Еразм приходит к значительным и смелым выводам. Он дает социальное раскрытие нравственных понятий правды и лжи. По Ермолаю-Еразму, правда — в труде, ложь — в присвоении.

Отсюда положительный нравственный идеал Ермолая-Еразма — «стяжание блаженного труда в работе» (л. 187 об.). Это единственное «стяжание», которое допускает Ермолай-Еразм. По отношению ко всему, что достигается помимо «блаженного труда в работе», Ермолай-Еразм выступает решительным нестяжателем. Выработав принцип (в пределах всей группы сочинений, о которых идет речь, в том числе и «Слова к верным...»), на основе которого, по мнению Ермолая-Еразма, можно осуществить любовный союз всех людей, он намечает его конкретную картину. В качестве таковой выступает «Благохотящим царем правителница и землемерие». Но намечая проект конкретного осуществления своего социально-нравственного идеала, Ермолай-Еразм встретился с непреодолимыми трудностями. В самом деле, Ермолай-Еразм искусственно исключил из своих построений существовавшие как законы и практика действительной жизни контрасты, противоречия, борьбу. Его замысел достичь любовного союза людей на основе «стяжания блаженного труда в работе» имел перед собой действительность вопиющих имущественных и социальных контрастов. Каким способом можно было среди такой действительности проложить путь принципу: «стяжание блаженного труда в работе»?

Ермолай-Еразм отверг насилие. Следовательно, принцип его должен был быть осуществлен на началах всеобщего взаимного согласия. Речь могла, таким образом, идти только о реформе, а реформа в свою очередь зависела от того, найдется или не найдется для нее «благохотящий царь». Но самым важным, быть может, является то, что, прежде чем разбиться о практику, принцип «стяжания блаженного труда в работе» разбился о собственную теорию Ермолая-Еразма.

Политически принцип «стяжания блаженного труда в работе» должен был утвердить за непосредственными производителями господствующее положение в обществе. «Правительница» запечатлела порыв Ермолая-Еразма к такому утверждению в его мысли о том, что более всего «потребны» ратаи.